

Секция «Искусствоведение»

Тема музыки в творческом наследии И.Л. Андроникова
Шелухина Екатерина Николаевна

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет искусств, Москва, Россия
E-mail: e.sheluhina@yandex.ru*

В устном рассказе «Первый раз на эстраде» Ираклий Андроников вспоминает: «Основные качества моего характера с самого детства – застенчивость и любовь к музыке». Действительно, с ранних лет музыка стала неотъемлемой частью жизни Ираклия Луарсабовича. В доме его родителей в Тбилиси собирались учёные, писатели, композиторы – цвет художественной интеллигенции Грузии. Интеллектуальному взрослению братьев Андрониковых, Ираклия и Элефтера, сопутствовали спектакли «Севильского цирюльника» Россини, «Травиаты» Верди, «Летучего Голландца» Вагнера на сцене Тбилисского театра оперы и балета, прославленной первыми успехами Ф. И. Шаляпина.

Увлечение музыкой И. Андроников сохранил и после поступления на историко-филологический факультет Ленинградского университета, а также словесное отделение Института истории искусств в 1925 году. В статье «Оглядываюсь назад» он пишет: «С 1926 года литературные мои интересы стала затмевать любовь к музыке. Я начал ходить на все симфонические концерты и по запискам посещал классы консерватории, дома занимался теорией и историей музыки» [1]. Музыкальная жизнь Ленинграда была полна значительных событий – это премьеры и юбилейные циклы, выступления зарубежных гастролёров и концерты советских мастеров, сочинения прошлых веков и ультрасовременные опусы.

Одним из ярких впечатлений тех лет явилось знакомство с лектором Ленинградской филармонии, исследователем и знатоком литературы, музыки, многих других искусств - Иваном Ивановичем Соллертинским. «Те, кто покупал билеты на хоры (в Большом зале филармонии – Е.Ш.) в антракте могли взять с вешалки шубу и, подстелив под неё газету, во втором отделении слушать музыку уже сидя, на шубе. Среди этой публики обращал на себя внимание высокий сутуловатый молодой человек с бледным лицом, пухлым ртом, с маленькими пронзительно-умными глазами, носивший по-старомодному стоячий крахмальный воротничок с отогнутыми углами. С ним бывала всегда молодая компания, которой в антрактах он торопливо и очень квалифицированно объяснял особенности прослушанной музыки и давал решительные оценки её исполнителям. А во время концерта усердно листал карманную партитуру» [2], – так описывает Андроников Соллертинского, которому суждено было стать едва ли не самым узнаваемым среди героев его устных рассказов. Выразительные средства, которые использовал Андроников для изображения Соллертинского, будь то характерная живость речи, усиленная отчётливой артикуляцией, надтреснутый голос, угловатая пластика, хлёсткое остроумие и ослепительная быстрота мысли, создавали осязаемый и притягательный образ. Многие из тех, кто знал Ивана Ивановича лично, признавали, что этот образ поразительно точен, что он является важным свидетельством о Соллертинском, который не был запечатлённым ни на одной аудиозаписи или в кинохронике.

В цельной аналитической работе «Слово о Соллертинском», которая представляет собой отзыв на книгу «Музыкально-исторические этюды», Андроников-учёный выходит за формальные рамки рецензии, глубоко проникая в творческий метод Ивана Ивановича, убедительно показывая масштаб его просветительского труда, ценность научно-критического наследия. Статья о Соллертинском органично вошла в авторский сборник «К музыке», который вобрал в себя значительную часть созданного Андрониковым на эту тему.

Среди работ, представленных в книге, важное место отводится циклу рассказов и статей, посвященных искусству Ф.И. Шаляпина, о котором Андроников писал: «... сила его пения заключена в точной интонации, в верной окраске слова и фразы» [3]. Овладение интонацией он считал одним из основополагающих исполнительских законов и секретов Шаляпина. Сам Ираклий Луарсабович пользовался ею мастерски.

Интонация организует музыку, рождает содержание музыкального произведения. То же и в устной речи: интонация формирует смысл сказанного. Андроников тонко чувствовал и описывал это явление: «Только в устном рассказе, только в живой речи, как человек сказал, превращается – в что человек сказал, ибо интонация может придать слову множество новых смыслов и даже обратный смысл» [1].

Интонации Андроникова сугубо индивидуальны, узнаваемы и, в то же время, новы, неожиданны, гибки. Свойственное ему живое импровизационное начало опрокидывало устоявшиеся штампы. Схожесть героев его устных рассказов с их прототипами строилась на имитации тембра, характерных речевых оборотов и темпо-ритма фраз, но в наибольшей мере на «уловлении интонационной структуры речи». «Это повышенное ощущение интонации, – замечает Ираклий Луарсабович, – идёт у меня, очевидно, от точного слуха, от музыки» [1].

Многие мемуаристы вспоминают о цепкой музыкальной памяти Андроникова, о его чутком музыкальном слухе и способности напеть или насвистеть практически любой музыкальный отрывок. Убедиться в справедливости этих утверждений не составляет труда. Некоторые устные рассказы, к счастью, сохранившиеся на плёнке, обнаруживают музыкальную грань таланта Ираклия Андроникова. В рассказе «Илларион Николаевич Певцов» он великолепно напеваёт лейтмотив из «Тангейзера» Вагнера. Остроумно пародируя дирижёрскую манеру Фрица Штидри («Трижды обиженный, или всё познаётся в сравнении»), воспроизводит отрывки из Первой симфонии Малера и Третьей симфонии Бетховена. Не только музыкальное, но и пластическое воплощение здесь на высоте. Яркий по «мимико-жестикуляционной характеристике», этот портрет отличаются блестяще подмеченные черты сценического облика замечательного музыканта – непослушная прядь волос на лбу, характерный наклон головы, идеально прямой корпус, руки у пояса и чёткие жесты, ретушируемые прорывами бурного исполнительского темперамента. Кадры кинохроники, на которых сам Штидри дирижирует увертюрой из комической оперы Николаи «Виндзорские проказницы», позволяют оценить удачность найденного Андрониковым образа.

Рядом с этими «транскрипциями» симфонических произведений – оперные номера: фрагменты каватины Фигаро из «Севильского цирюльника» Россини («В гостях у дяди»), арии Жерара из «Андреа Шенье» Джордано («Римская опера»).

Даже построение рассказов заставляет, подчас, задуматься о музыкальной форме, динамике, фразировке. Андроникову подвластны тонкие агогические нюансы. Он мо-

жет усилить мысль, расширить её, приковать внимание слушателей, варьируя темп устного повествования, используя нечто наподобие *ritenuto*. Например, в рассказе «Ошибка Сальвини»: «Тогда совершенно спокойно – под рёв толпы – Сальвини – – одну – – за другой – – снял – – с рук – – белые – – перчатки – – и отдал солдату!..» [4].

В орбите внимания Андроникова было множество великих музыкальных имён. Это композиторы, дирижёры, пианисты, скрипачи, певцы. И в каком бы качестве не появлялась музыка – на первом плане или подспудно, характеризуя действующих лиц и обстоятельства повествования, как блестящая оценка сочинений и их трактовки или поражающий меткостью и глубиной портрет конкретного исполнителя – она была излюбленным мотивом в творчестве выдающегося ученого и писателя, знатока литературы и искусства, мастера устного рассказа Ираклия Луарсабовича Андроникова.

Литература

1. Андроников И.Л. Оглядываюсь назад //Андроников И.Л. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М., 1980. С. 7-20
2. Андроников И.Л. Воспоминания о Большом зале//Андроников И.Л. К музыке: Сборник устных рассказов. – Изд. 4-е. М., 1991. С. 26-39.
3. Андроников И.Л. Полное собрание исполнений//Андроников И.Л. К музыке: Сборник устных рассказов. – Изд. 4-е. М., 1991. С. 74-83.
4. Андроников И.Л. Ошибка Сальвини//Андроников И.Л. К музыке: Сборник устных рассказов. – Изд. 4-е. М., 1991. С. 192-197.

Слова благодарности

Автор выражает глубокую признательность Е.И.Андрониковой, чьи воспоминания об отце послужили толчком к исследованию этой темы.